

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Материалы, составившие данный раздел, объединены тематически – все они посвящены актуальным явлениям новейшей литературы. Основная часть произведений, рассматриваемых в представленных далее статьях, увидела свет два-три года назад («†» В. Пелевина, «Метель» В. Сорокина, «Мертвый язык» П. Крусанова, «Лада, или Радость» Т. Кибирова); завершая «нулевые» годы, они намечают и те стилевые тренды, которыми будет определяться литература следующего десятилетия. Отметим два важнейших: по справедливому утверждению профессора Е. А. Ермолина, значительные и талантливые произведения (в том числе и вошедшие в шорт-лист «Большой книги») отличает «подспудная уверенность в неизбежности и перманентности кризиса, в отсутствии готовых истин, простых решений, удобной правды». Зато постоянное присутствие в современной литературе обеспечено ключевым мотивам русской классики (Достоевского – в прозе В. Пелевина и П. Крусанова, Пушкина и Набокова – в прозе Т. Кибирова, Вяземского, Пушкина, Толстого и Блока – в прозе В. Сорокина) – об этом статьи профессора РГПУ им. А. И. Герцена М. А. Черняк, профессора МГУ им. М. В. Ломоносова А. В. Леденева и профессора ЯГПУ им. К. Д. Ушинского Т. Г. Кучиной. В дискуссии о путях развития новейшей литературы наряду с признанными учеными принимают участие и молодые исследователи – аспиранты А. С. Бокарев и В. А. Моржухин из ЯГПУ, Н. В. Боруруева из МГУ, а также наши коллеги из Южного федерального университета (О. А. Джумайло), РГГУ (В. Л. Шупников) и Тамканского университета (Н. Ю. Буровцева).

УДК 821.161.1–3.09

Е. А. Ермолин

«Большая книга» и актуальная словесность

Формат и традиции литературной премии «Большая книга» проблематично соотносятся с характером современной прозы, которую отличают лаконизм, сгущение смыслов, влечение к малым формам, к фрагменту, а стилистически – эклектическая коллажность, экспрессионистская смесь лиризма с трэшем, иронии с наивом, фокуса с парадоксом. У прозаика нет сегодня предмета, требующего большого объема повествования.

Ключевые слова: литературная премия «Большая книга», современная проза.

E. A. Ermolin

"The Big Book" and Actual Literature

The format and traditions of the literary award "Big Book" hardly correlate with the pattern of modern prose, which peculiarities are pithiness, high concentration of senses, tendency to minor genres and to fragmentariness, and stylistically – eclectic collage, expressionistic combination of lyricism and trash, ironic and naive modes of representation, combining tricks with paradoxes. There are no subjects for novelist today, demanding the large forms of narration

Keywords: the literary award "Big book", modern Russian prose.

Национальная литературная премия «Большая книга» была впервые вручена в конце 2006 г. С тех пор меня как члена жюри премии не оставляет ощущение, что в ее логику и мифологию заведомо включена идея хронического и почти тотального несовпадения с актуальной словесностью.

Самим своим звучанием, эхом культурной памяти «Большая книга» рифмуется с *большим стилем*, с великой и прочной школой, с классицизирующе-академической традицией.

К тому ж «Большая книга» должна, согласно премиальному положению, быть большой по

объему и тяготеть (хотя б поэтому) к панорамности, описательности.

Учредители и спонсоры «Большой книги», будучи дилетантами, любителями в сфере искусства, простодушно и идеалистически вдохновлялись, вероятно, старинной магией грандиозного кунстверка или школьной памятью о текстах, которые пишутся годами и читаются неделями. Они, наверное, решили найти клад, который был зарыт еще где-то в исторической России, до всех прискорбных катавасий.

Но современное искусство давно отчалоило от этого ветхого причала и пасется ныне в других морях – как никогда, далеко от стародавнего нормативного берега. В нынешней литературе на него похожи обычно только муляжи, симулякры, эпигонские подражания классической «древности» – да разве что еще пародии в духе Сорокина. Причем внешним сходством часто все и кончается – либо писатель разбавляет старое вино водой из крана и выдает эту болтушку за оригинальный продукт.

Исключения бывают, но редко. (Скажем, есть удивительно добротная реплика на толстовскую «Смерть Ивана Ильича»: в «Конце иглы» Ю. Малецкого.)

Актуальная же словесность тяготеет к лаконизму, к категорическому сгущению смыслов, к малым формам, к фрагменту (подчас к откровенному нон финито), а стилистически – обычно к эклектической коллажности, к экспрессионистской смеси лиризма с трэшем, иронии с наивом, фокуса с парадоксом.

Можно сказать и так: у прозаика нет сегодня предмета, требующего большого объема повествования. Эпические темы проблематизированы явным дефицитом эпических общностей и цементирующих их ценностей и символов. Народ, нация в современном своем состоянии исключают возможность появления посвященного им текста большого размера. То же самое можно сказать о роде и о семье. Жизнь современника не укладывается в традиционную большую форму биографической хроники или пространного романа воспитания и испытания.

К тому же большой объем не мотивирован и актуальной ситуацией чтения. Современная динамика мешает читателю насладиться грандиозными кирпичами в духе Диккенса или Бальзака, Достоевского или Толстого между «Войной и миром» и «Воскресением». Роман-река не вливается в блиповую и пунктирную жизнь горожанина.

Получается, что в актуальной словесности не так много произведений, которые тяготеют к традиционному формату и могут претендовать на премию.

Как же выходило из ситуации многоочитое жюри премии? Результаты работы этой живописно-разнообразной коллегии весьма показательны.

С одной стороны, со всей решительностью и удивительным постоянством жюри поддерживало то, что сильнее всего напоминало о великом прошлом русской литературы и культуры. Поэтому почти вне конкурса шли и отмечались

премиями биографические повествования о великих писателях: книги Д. Быкова о Пастернаке, Л. Сараскиной о Солженицыне, А. Варламова об А. Н. Толстом, П. Басинского о Л. Н. Толстом. Аура имени персонажа незримо, но явно приводила жюри в трепет, причем в тем больший, в основном, чем более традиционной была форма повествования, чем проще оно укладывалось в биографическую хронику с элементом апологии в духе серии «Жизнь замечательных людей». (Характерно, что проблематизирующая эпизоды жизни Ахматовой книга о ней А. Марченко показательно не выдержала экзамена и признания не получила. А о романе В. Пелевина «Т», рефлексивно, с элементом деконструкции представляющем миф о Л. Н. Толстом, в этом контексте даже странно говорить.)

Также имели у жюри успех утонченные культурологические изыски А. Балдина и Р. Рахматуллина, роскошное квазинаучное барокко, в основном апологетически представляющее историческую русскую культуру.

В изящной же словесности в первую очередь отмечалось то, что максимально соответствовало представлениям о большой форме: многогеройное и многоэпизодное повествование, захватывающее большой временной промежуток и/или связанное с наиболее масштабными социальными проблемами русской жизни, с узнаваемыми историческими персонажами: «Венерин волос» М. Шишкина, «Асан» В. Маканина, «Журавли и карлики» Л. Юзефовича, «Каменный мост» А. Терехова... И это притом, что, например, из четырех упомянутых романов ни один, пожалуй, не оправдывает своего размера. Особенно нелепа конструкция «Каменного моста». (Некоторые прозаики, чувствуя такое, пытаются чуть ли не соответствовать запросу, совершая подлинное насилие над собой; только этим я могу объяснить появление вымученного романа С. Солоуха «Игра в ящик», вошедшего в этом году в финальный список. Virtuозный, хотя несмешной пародист Солоух тут пытается подражать интеллигентской саге, работая в скучновато-добротной манере какой-нибудь забытой ныне всеми И. Грековой.)

Самым, наверное, убедительным выбором жюри стало присуждение «Большой книги» маканинскому «Асану». Это реально один из двух-трех лучших романов десятилетия.

В окололитературной среде по поводу маканинских сочинений иной раз кипят страсти. Писателя упрекают за неорганичность его прозы,

уличают в имитации и чуть ли не фальсификации и фактов, и тем, и идей. По сути, это попытки ограничить творческую свободу прозаика, который в духе актуального чувства жизни совсем не готов жертвовать этой свободой в своей игре с временем и пространством, со средой и героем.

Маканин удивителен и интересен умением совмещать острое чувство современности с традиционным форматом прозы, традиционными вроде бы средствами повествования. Из своего великолепного рассказа 90-х гг. «Кавказский пленный» он умело вырастил, как из малого зернышка, тело большого романа. Все основные смыслы романа смелее и даже, пожалуй, бесстрашнее выражены в давнем рассказе, но они, по крайней мере, не утрачены и теперь, в процессе трансформации. Хотя при переводе в романную форму произведена показательная рокировка. Кавказ у Маканина уже не покоряет теперь русского солдата своей красотой, как в рассказе, где выходило, тем не менее, что герой обречен эту красоту губить. В романе же доминирует не эстетическое, а этическое начало. В релятивном мире, где единственным абсолютом является своекорыстие, герой, отдавая ему дань, все-таки создает личный кодекс этики, вмещающий в себя и простое, «бабье» чувство жалости к страдающему и гибнущему человеку. Кавказ же теперь – лишь случайные декорации проистекающего из этой жалости служения ближнему, которое закономерно приводит героя к гибели, каковая могла случиться в принципе где угодно, хоть в Тутаеве или Чухломе. Если в рассказе получалось, что в России жить нельзя, то в романе выходит, что в России нельзя выжить.

Герои зрелого Маканина всегда бесконечно и безнадежно одиноки. Волки-одиночки в мире шакалов и сук. Они не трагичны (как это было когда-то у Г. Владимова), скорее смешны, нелепы, иногда маниакальны, не умеют жить успешно и пользоваться комфортом (в отличие от большинства маканинских читателей). Их путь – это страдальческий и абсурдный путь в никуда. Убив своего героя в «Асане», Маканин облагодетельствовал его почти героическим финалом выморочной жизни, предоставив заодно читателю возможность преобразовать невольное и естественное сочувствие к персонажу в благодарность автору.

Читателям Маканина давно уже не удается разделить с персонажами прозы писателя их жизнь. В «Асане» Маканин предложил другой вариант соучастия читателя и героя, в сущности беспроег-

рышный; он основан на общем для них страхе перед смертью и на неизбежности умирания.

Как известно, отбор книг в финальный список для жюри, состоящего из свободных интеллектуалов с примесью общественных активистов и коммерсантов, производят эксперты, имеющие связь с литературой. В этом году эксперты учли вкусы жюри и решили с ними бороться. В небольшой список из десяти названий вошли одни романы. Как отмечалось уже в газетной критике, на сей раз не попали в шорт-биографии, мемуары и эссе и прочая проза-док. В результате отсечены несколько приметных биографий: жизнеописание Хемингуэя в исполнении М. Чертанова, Гагарина – Л. Данилкина, Блока – В. Новикова. Отвергнуты автобиографические книжки: «Скунсамера» А. Аствацатурова, «Книга без фотографий» С. Шаргунова и даже писательские записки патриарха отечественной словесности Д. Гранина...

Тем самым работа жюри сильно осложнена.

Мало того, эксперты, кажется, решили учить жюри современному вкусу и наконец осмелились, например, включить в финальный список книгу В. Сорокина «Метель» (далеко не лучшую у этого автора, но лиха беда начало). Это характерная для автора буффонада на темы и мифы русской литературы, роман-фельетон, комический гротеск с очевидными китайцами в финале, покорение которыми России Сорокин предвещает уже не в первый раз... Другой актуальный прозаик, В. Пелевин с «Ананасной водой для прекрасной дамы», все же не прошел взыскательного отбора и на сей раз. Но двое из такого трэшевого ларца – это уж, наверное, чересчур для тонко чувствующих жюристов.

К тому же в списке есть и еще одна необычная и вполне современная вещь – «Горизонтальное положение» Д. Данилова: московская имитация заунывно-бесконечных песен якутского оленевода. Логика автора проста: что вижу, о том пою, разве что с некоторым прибавлением вялых эмоций по поводу и без повода. В итоге современная жизнь у Данилова разворачивается довольно-таки панорамно, что позволяет искушенным читателям вчитывать в текст книги все, что им захочется, и находить в нем неожиданные глубины. Возможно, кстати, автор на это и рассчитывает; таков его цирковой трюк. Не исключено, что в жюри имеется немало суперграмотных интерпретаторов нехитрой прозы Данилова, людей с богатым жизненным опытом, обеспечивающим глубину толкования и дающим возмож-

ность и случайному набору слов придать значение откровения.

Появление Данилова на литературном горизонте и немалый его успех в околотитературной среде – симптом и еще одной социальной болезни. Бессюжетность и малая содержательность жизни рядового современника нашли в его исполнении завершенную форму. Отыщутся поэтому и чуткие читатели, которые на этой очной ставке опознают себя в авторе и его герое.

Данилов – это, так сказать, Гришковец в кубе (Гришковец, феномен успеха которого также связан с опознанием читателями себя в нем и в его герое). Он уже не повышает автокотировки читателей-образованцев приятно-доступными умствованиями, а просто легитимирует почти нулевой уровень существования всякого и каждого, рядом с плинтусом. От Гришковца к Данилову – таков славный путь отечественного офисного планктона, построссийского постинтеллигента. К кольчечам и насекомым, как писал один поэт.

Наблюдая остальные, более (за редким исключением) интересные для меня книги из финального списка, нельзя не заметить того, что в целом отличает актуальную прозу.

Почти все авторы с легкостью переходят ныне традиционную грань правдоподобия. В современном мире без границ они не затрудняют себя заботой о полной достоверности, тем более что сегодня для многих таковая все менее уловима. (Смогли же совсем недавно два блоггера убедить общественное мнение половины рунета, что ливийский диктатор Каддафи побеждает своих неприятелей-повстанцев, а свидетельствующие об обратном сообщения мировых СМИ суть тотальная фальсификация...)

В радикальном итоге зачастую проза приобретает оккультно-наркотический оттенок, который ищет и находит тематическое оправдание. Это в пределах финального списка в той или иной дозе демонстрируют нам Ю. Арабов («Орлеан»), Ю. Буйда («Синяя кровь»), Д. Быков («Остромов, или Ученик чародея»), С. Кузнецов («Хоровод воды»), О. Славникова («Легкая голова»). (Об оккультном романе и романе-фельетоне наших дней я писал в статье «Артефакты гламурного времени» («Континент». – 2008. – № 135. – С. 404–421).)

Арабов таким манером производит репетицию Страшного Суда в одном отдельно взятом городе,

настаивая на роковой моральной порче советского-постсоветского человека.

Буйда также берет масштаб одного русского города – и создает вообще онирический мир, где советские перипетии представлены как самодвижущийся бредовый сон, снящийся неведомо кому, но уж точно без участия Бога.

Быков живописует будни и праздники ленинградских оккультистов 1920-х гг., немало вроде бы над ними потешаясь, но попутно как будто бы вполне всерьез свидетельствует о возможности левитации и временного выхода души из тела.

Кузнецов сводит героев из советского прошлого с мистическим осьминогом – он, надо думать, теперь у него вместо традиционного и потому неинтересного ангела. Несусальное чудоюдо. Наконец, Славникова вроде бы вполне серьезно делает своего героя оккультной причиной разных бедствий и катастроф и жертвой как-то узнавших про это людей из органов.

Показательны и сдвиги времен и пространств в актуальной прозе из финального списка, сборная солянка случаев и обстоятельств, а порой и неразличимость причин и следствий. Мир здесь травмирован и деформирован, человек одинок и вопиюще неприкаян – либо беспринципно согласился с обстоятельствами и привык к своему несчастью. Нередко он к тому же эгоист и авантюрист.

Жизнь бывает слегка скрашена любовью, но перспективы оной сомнительны: она кончается или убивает, обухом по голове. Рано или поздно умирают и герои, и злодеи; но если у тяготеющего к популярным смыслам Д. Быкова таковые разведены на полюса, то у М. Шишкина, чуждого поиску легкого успеха, в итоге есть лишь абсолютно несчастные и смертные люди, искалеченные друг другом и всей жизнью в ее фатальной сумме. Не спасется никто, даже занимающийся только этим герой романа О. Славниковой.

Мы лишний раз убеждаемся в паранормальности как этой сумасшедшей, но талантливой прозы, так и корреспондирующей с ней каким-то макаром жизни – пусть даже бесталанной и суррогатной. Патологичны все, наверное, по-разному, каждый на свой манер, но есть и точки схода: подспудная уверенность в неизбежности и перманентности кризиса, в отсутствии готовых истин, простых решений, удобной правды. Таково послание финалистов «Большой книги» в 2011 г.